

Исходная страница:

<http://intersectionproject.eu//ru/article/russia-world/est-li-mir-posle-islamskogo-gosudarstva>

• Автор: [Леонид Исаев](#)

[Есть ли мир после «Исламского государства»?](#)

В конце октября командование антитеррористической коалиции во главе с США [объявило](#) об успешном завершении операции по взятию Ракки. Таким образом, после падения идеологического центра ИГ – Мосула – исламисты лишились и своей формальной столицы. Последующие операции по взятию Аль-Маядина силами сирийской армии, а также Аль-Омара силами курдского ополчения и вовсе позволяют констатировать закат ИГ как конкретного политического образования.

Это, конечно, не означает, что мировому сообществу совместными усилиями удалось справиться с идеологическим феноменом под названием «исламское государство», равно, как и с причинами, его породившими. Однако успешные антитеррористические операции на востоке Сирии, во-первых, позволяют говорить о ситуативном снижении конфликтогенности на территории страны во второй половине 2017 года. Во-вторых, они все больше актуализируют необходимость проведения всеобщего национального диалога, в который было бы вовлечено максимальное количество противоборствующих сторон.

Сам переговорный процесс по урегулированию сирийского конфликта за последнее время превратился в многоуровневую конструкцию, отличительными чертами которой стали регионализация и

партикуляризация политического диалога. Формально ключевую роль в нем по-прежнему играет Международная группа поддержки Сирии (МГПС) и иницируемые ей женеvские переговоры, в рамках которых (в соответствии с резолюцией СБ ООН 2254) утверждаются все ключевые политические решения по сирийскому конфликту. Астана – [промежуточная переговорная площадка](#), цель которой – оптимизировать женеvский переговорный процесс, исключив из него военную повестку. Помимо этого, Астана играет роль канала легитимации решений, принятых на переговорных площадках локального уровня (Амман и Каир), призванных дополнить Астану и привлечь к диалогу максимально необходимое число сторон.

С одной стороны, это позволяет добиться локальных успехов, особенно в деле установления «режима тишины», о чем в течение всего 2017 года говорят сторонники астанинского процесса, указывая на его преимущества в сравнении с Женеvой. Это, в свою очередь, уже неоднократно приводило к заявлениям сторонников сирийского режима о нецелесообразности возобновления женеvских переговоров. Однако за этой «успешностью» скрывается главный недостаток Астаны – ее локальность и ситуативность. Переговоры на этой площадке априори не способны привести к достижению долгосрочного примирения сторон в Сирии, а могут лишь способствовать фиксации существующего статус-кво в краткосрочной перспективе, что, безусловно, играет на руку побеждающей стороне – Башару Асаду и его сторонникам, но при этом лишает переговорный процесс всякого смысла.

Формализация политического диалога – одна из самых актуальных на сегодня проблем, стоящих на сирийской повестке дня. Крайне сложно вести всеобщий национальный диалог в условиях, когда одна из сторон практически полностью доминирует над другой. Поэтому и заинтересованность сирийского режима в женеvском переговорном процессе минимальна – баасистский режим в этом случае рискует потерять свою монополию на власть, которую придется делить с давними противниками, над которыми к тому же удалось одержать победу на многих фронтах.

Это объясняет как минимум две тенденции, которые следует ожидать в обозримом будущем. Первая заключается в непрекращающихся попытках со стороны сирийского режима усилить давление на своих внешних союзников, прежде всего Россию, с целью активизации военных действий на юге Сирии, а также в провинции Идлиб – последних оплотах сирийской оппозиции. Опыт Алеппо 2016 года показал, что под предлогом борьбы с всемирно признанными террористическими структурами вроде «Исламского государства» или «Джабхат ан-Нусры» можно добиваться значительных военных и политических успехов, освобождая территории не только от джихадистов, но и своих потенциальных политических оппонентов. В этой связи наличие исламистского анклава на юге Сирии, а также летняя активизация «Джабхат Фатх аш-Шам» (бывшей «ан-Нусры») в Идлибе дает режиму дополнительный инструмент в давлении на Москву с целью активизации военных действий в вышеуказанных регионах. Данный сценарий становится еще более заманчивым ввиду отсутствия реальной поддержки у сирийской оппозиции извне, прежде всего, со стороны США, Турции и стран Залива.

После смены президентской администрации в США изменился и подход Вашингтона к сирийской проблематике: если администрация Барака Обамы была заинтересована в комплексном решении сирийского кризиса, то нынешнее руководство сконцентрировало свое внимание исключительно на контртеррористической составляющей. Это заметно усилило позиции курдов как главной силы, ведущей борьбу против ИГ, однако отодвинуло на второй план другие оппозиционные группировки.

Снижение роли стран Персидского залива и Турции в сирийском кризисе во многом объясняется смещением внимания на решение внутренних проблем. После неудавшегося военного переворота в Турции летом 2016 года, а также в контексте судьбоносного для Реджепа Эрдогана референдума и грядущих выборов, турецкое руководство сконцентрировало внимание на решении задач внутривнутриполитического и экономического характера.

Аналогичные тенденции прослеживаются на протяжении последних двух лет и в странах Залива. Война в Йемене, кризис вокруг Катара и целый комплекс реформ, предпринятых Мухаммадом бин Салманом в Эр-Рияде с целью сломать существующую со времен короля Абд аль-Азиза систему сдержек и противовесов, а также взаимоотношений между властью и обществом в королевстве, – наиболее актуальные задачи в обозримом будущем для всех членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в сравнении с которыми Сирия уходит на второй, а то и вовсе на задний

план.

Вторая тенденция заключается в соблазне со стороны России и ее союзников взять под свой контроль политический диалог в Сирии, подменив Женеву иными переговорными конструкциями. Ярким проявлением этого сценария стало [заявление российского МИДа](#) о проведении Конгресса национального сирийского диалога в Сочи 18 ноября 2017 года. При этом, судя по заявлениям спецпредставителя российского президента по Сирии Александра Лаврентьева, на повестку конгресса будут вынесены политические вопросы, связанные с конституционным строительством и проведением всеобщих выборов.

Опасность этого сценария в том, что национальный диалог будет проводиться с позиции силы, в условиях, когда сирийский режим будет иметь заведомо более предпочтительные стартовые возможности. Подобные опасения уже высказал официальный представитель сирийской оппозиции в Астане Яхья аль-Ариди, предупредив о том, что конгресс способен девальвировать все достигнутые ранее в Женеве договоренности. Однако в арсенале сирийской оппозиции осталось не так уж много возможностей. По сути их только две: либо они будут инкорпорированы в строящуюся де факто на условиях Москвы (а на деле Дамаска) сирийскую политическую систему, либо со временем будут вовсе уничтожены, о чем недвусмысленно намекнул Александр Лаврентьев, [сказав](#) о том, что их саботаж будет расценен Россией как нежелание «принять руку помощи». При этом выбор первого варианта отнюдь не означает, что в конечном счете для сирийской оппозиции все не обернется таджикским сценарием, при котором режим не упустит возможности расправиться над своими оппонентами после того, как последние сложат оружие.

Неминуемый разгром «Исламского государства» в Сирии не решает проблем, его породивших, равно как и тех причин, которые привели к гражданскому конфликту в 2011 году. Страна нуждается в реальном всеобщем национальном диалоге под эгидой ООН, а не в его имитации под нажимом одной из сторон. В противном случае мы станем свидетелями навязывания воли одних участников конфликта другим, что приведет лишь к откладыванию проблемы в долгий ящик, но не к ее решению. Примеров тому в новейшей истории арабских стран было немало, однако результаты подобной политики оказывались трагичными, в том числе и для самих правящих режимов.

теги

[syria](#)

[military](#)

категории

[Russia / World](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu